

Дорогие москвичи! У каждого из вас есть свои «любимцы», люди, внушающие вам большое уважение своими делами, мыслями, характерами. Это известные рабочие, ученые, артисты, писатели, конструкторы, спортсмены. Со многими из них вы с удовольствием посидели бы за чашкой чая, поговорили о делах, о планах, о жизни.

С сегодняшнего номера мы заводим новую рубрику «На чашку чая». Корреспонденты «Московской правды» под этой рубрикой расскажут о своих встречах с интересующими вас людьми. Пишите нам, к кому вам хочется заглянуть «на чашку чая».

ИТАК, дорогой читатель, сегодня мы с вами в гостях у постановщика фильма «Война и мир» Сергея Федоровича Бондарчука. У него дома, на Ленинском проспекте. Рассаживайтесь поудобнее, будьте как дома.

Правда, даже в этой большой комнате нам будет тесновато. Книжки, книжки, книжки. В шкафах, на полках — всюду. Шолохов, Чаплин, Эйзенштейн, Делакруа, многообразие «История государства Российского» и Толстой. Бесконечный Толстой.

Великолепная гравюра Бетховена. Разметались на голове кудлатые волосы, над глубокими глазами тяжело нависли могучие крышки-брови.

— Моя мечта. Очень хочу сыграть. — Сергей Федорович, а это был он, взял гравюру, вздохнул и бережно поставил

НА ЧАШКУ ЧАЯ

В гостях у Пьера Безухова

на место. Еще раз взглянул на гравюру и еще раз вздохнул. — Мечта... — Улыбнулся: «Простите за опоздание. Сегодня вечером премьера «Наташи Ростовой» в «России», завтра — в «Мире». Столько дел». И широко развел руки, будто в этих руках поместились все его дела.

— Сергей Федорович, когда у вас зародилась мысль об экранизации «Войны и мира»? Не испугала ли она вас?

— Давно. Очень давно. Мало сказать — я люблю Толстого. Я преклоняюсь перед его гением. Он велик, как мало кто из живших. И всякий раз, когда я перечитывал его гигантский роман, не мог отделаться от мысли, что это готовый киносценарий. Я говорю «не мог отделаться от мысли», но тотчас старался отогнать от себя ее.

Но как иногда бывает в жизни, мечта вдруг воплотилась в действительность. Пять лет назад мне предложили экранизировать «Войну и мир».

Первые дни ходил как потерянный. Боялся. И вот прошло пять лет.

— Вы рады, что уже все позади?

— Мне искренне жаль, что уже все позади. Я хотел бы снимать «Войну и мир» бес-

конечно, всю свою жизнь. А сейчас, когда осталось совсем немного, будто расстался с очень дорогим другом, провожаешь его в дальнюю дорогу и знаешь, что никогда с ним больше не встретишься.

Грустно. И не мне одному. Люсе Савельевой осталась единственная сцена.

И Пьеру скоро придется встать в последний раз перед кинокамерой. Меня ежедневно волнует мысль: все ли сделано правильно? Какое-то неуемное желание что-то переделать; что-то исправить. Прошло пять лет. Не только радостных, но иногда и огорчительных. И все же, если бы начать все сначала...

— Вы очень долго подбিরали актеров. Можете ли вы сказать, что удовлетворены своим выбором?

— Наташа Ростова... Скажи мне кто-нибудь до съемок, что Наташу сыграет непрофессиональная актриса — не поверил бы. Поднял бы на смех. Да и само появление Люси Савельевой на студии меня не вдохновило. Пришла белесая девчонка, промямлила текст, увидела мое, далеко не взволнованное лицо, и разревелась.

На следующий день она пришла на пробу, одетая в

платье Наташи. Прочла несколько строк, и я понял — произошло чудо. Передо мной стояла Наташа. Та, которую писал Толстой, та, которую долго искал и не находил я сам.

— Сергей Федорович, а как было вам играть Пьера? Ведь у Толстого Пьер неуклюжий, толстый, широкий, с огромными красными руками. Кроме того, он был рассеянным. Это далеко не ваш портрет.

— Понимаете, еще задолго до съемок я стараюсь вырабатывать качества, присущие моему герою. Внешняя нескладность и чудачества Пьера стали моими спутниками на эти годы.

— И качества героев потом закрепляются в вас?

— Нет, ведь на смену одной роли приходит другая. Также произойдет и с Пьером. Но то, что он был «выражением добродушия», простоты и скромности» хочется оставить в себе навсегда.

Открылась дверь, и в комнату вошла, неся дымящуюся чашку ароматного чая, Ирина Константиновна Скобцева.

— Чай подан!

— Ирина Константиновна, вы довольны своей работой в фильме?

— Довольна, что работаю в фильме. Очень интересно. Но

терпеть не могу свою героиню. Она настолько противна, что, приходя домой, я стараюсь почти не думать о ней, дабы, не дай бог, в чем-нибудь походить на Элен.

— Вам легко работать с Бондарчуком-режиссером?

— Я не жалею. Но в следующий раз предпочитаю встретиться с ним только как с актером.

— Ну и зря, — смеется Бондарчук. — Вообще сейчас широко распространилось мнение, будто режиссер в кино — отъявленный диктатор. Лично я стараюсь всегда сохранить индивидуальность актера. Хотя, несомненно, режиссер в кино нечто иное, чем в театре.

— А вы любите театр?

— Очень. Особенно МХАТ. Он моя непроходящая любовь. Мечтаю сыграть когда-нибудь на сцене. Царя Федора.

— Сергей Федорович, вернемся к кино. «Война и мир» вызвала широкие споры. У фильма много сторонников, но и немало противников.

— Знаю. Я получаю сотни писем. Самых разных.

В любом фильме могут быть удачи и неудачи. Тем более, когда экранизируешь такого титана. Я хочу сказать одно: мы работали честно. Не жалея ни сил, ни здоровья.

— Пять лет назад он был брюнетом, — грустно улыбается Ирина Константиновна. — А сейчас, видите, почти белый. В дни Московского кинофестиваля, когда первой серии фильма вручали Большой приз, он в тяжелейшем состоянии лежал в больнице. «Скорая помощь» увезла прямо со съемок.

— Ничего. Жив, здоров. Главное — впереди. В третьей и четвертой сериях. В них — все. А потом — новые планы.

— И какие?

— А вот на полке. За стеклом скромный, безжывый переплет. А. П. Чехов. «Степь».

— Ирина Константиновна, а ваши планы?

— Я страстно хочу сыграть характерную роль. Но увы... режиссеры предлагают совсем другое.

— Фильм снимался пять лет. Скажите, какие изменения произошли в вашей семье?

— Большие, сияющие улыбки.

— Появилась Аленка. Ей уже четыре года. Однажды мы привели ее на первый бал Наташи. Это был и ее первый бал. Она ушла потрясенная.

— Наша газета уже писала, что в скором времени вы

начнете «поджигать» старую Москву, Москву 1812 года. А не горите ли вы желанием создать фильм о новой Москве, о замечательных жителях нашей столицы?

— Я очень хочу поставить веселую комедию о Москве, о москвичах. Но у меня нет сценария. Москва дала мне многое. И я обещаю, что не останусь перед ней в долгу.

— И последний вопрос. Что является главным, основным для вас в «Войне и мире»?

— Толстой сказал: «Если люди порочные связаны между собой и составляют силу, то люди добрые должны объединиться». Эта мысль — главная.

В. ДРАННИКОВ.